
ПРАВА

УДК 340.136

Р.С. Тараборин

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX вв. В ТРУДАХ С.В. ПАХМАНА И Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА

В статье анализируются труды русских правоведов С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, посвящённые истории кодификации российского гражданского права. Исследование позволяет констатировать, что работы обоих авторов по рассматриваемой проблематике различаются своими исходными методологическими установками и оказываются в этом отношении репрезентативными по отношению к общим тенденциям теоретических поисков отечественной цивилистики. Качественный и содержательный уровень работ С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича объясняет отсутствие в российской дореволюционной юридической науке каких-либо ещё попыток создания аналогичных по теме исследований.

Кардинальные перемены в общественном строе России, явившиеся результатом осуществления цикла либеральных реформ 1860–1870-х гг. помимо всего прочего резко актуализировали проблему совершенствования гражданского законодательства, придания ему содержания и форм, содействующих развитию новых явлений в экономической и социальной жизни. Вопрос о новом Гражданском уложении, его содержании, структуре, способе создания стал активно обсуждаться в юридическом сообществе. Это, в свою очередь, актуализировало интерес к истории гражданского законодательства, к тем опытам кодификации, которые имели место в прошлом.

С точки зрения проблематики систематизации гражданского законодательства наибольший историографический интерес представляет круг работ российских правоведов второй половины XIX в., прямо или косвенно исследовавших гражданское законодательство в его историческом развитии, рассматривавших Свод законов гражданских, как и Свод законов в целом, в качестве результата длительного процесса и источника для последующего совершенствования законодательства. На первое место среди таких работ следует, безусловно, поставить фундаментальные труды выдающихся русских правоведов С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, целиком посвящённые собственно истории кодификации российского гражданского права [3; 4]. Эти работы оставались на протяжении всего периода дореволюционной России единственными историко-правовыми изданиями подобной тематической направленности.

Проявлением интереса к систематизации гражданских законов явился труд по истории кодификации гражданского законодательства одного из ведущих российских цивилистов С.В. Пахмана, прямо указавшего в предисловии, что «пересмотр гражданских законов составляет одну из самых настоятельных потребностей нашего юридического быта ...многочисленные опыты не только иностранной, но и нашей кодификации убеждают, что для составления уложения крайне необходимо близкое ознакомление с предшествующими работами по этой части» [3, с. 1].

Основное место в работе С.В. Пахмана, сочетавшей черты учебного курса и научного исследования, было отведено истории кодификации русского права от «Русской правды» и до 1870-х гг. Также был дан обзор кодификации римского, романо-германского и западно-славянского права. В какой-то мере С.В. Пахман продолжил традицию, заложенную К.А. Невוליным, поскольку, как и его предшественник, последовательно придерживался принципов формально-догматической юриспруденции. Это предопределило сосредоточение его внимания исключительно на внешней истории права [1].

История российской кодификации XVIII–XIX вв. в двухтомном сочинении заняла основное место (фактически 2/3 объёма всего сочинения). Отличительной чертой труда С.В. Пахмана стало прослеживание преемственности в кодификационной работе, поскольку, по его мнению, «несмотря на все неудачи, какими сопровождалось дело новой кодификации, самые опыты имеют самостоятельное значение в нашей юридической истории по своему влиянию на движение самого законодательства» [3, с. 245].

Следуя этому принципу, автор последовательно в хронологическом порядке проследил ход кодификационных работ в создававшихся в XVIII в. многочисленных комиссиях с особым акцентом на их деятельность при Екатерине II. Особое внимание было уделено подробному освещению содержания её «Наказа» и «Начертания о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения». Сопоставление этих текстов позволило С.В. Пахману утверждать, что «право гражданское или частное было прямо разграничено от права государственного или публичного» [3, с. 276], однако при этом гражданское право не выделялось в качестве предмета особого кодекса (это произошло только в первой четверти XIX в.) [3, с. 381].

Столь же подробно, но преимущественно в описательном плане, были рассмотрены депутатские наказы и высказанные в комиссиях мнения по имущественным, семейным и наследственным вопросам гражданского законодательства, а также по праву торговли и промышленности. Причиной безуспешности работы екатерининских комиссий С.В. Пахман считал не столько те разногласия, которые возникли между их участниками, сколько организационную проблему: отсутствие «предварительной чисто кодификационной подготовки материала» [3, с. 379]. Следует отметить, что акцентирование внимания в объяснении неудач кодификационных работ XVIII в. на факторах организационного, а не содержательного характера, восходящее к точке зрения, сформулированной ещё М.М. Сперанским [2, с. 55–63], оказалось очень устойчивым и воспроизводилось последующими исследователями (например, В.Н. Латкиным).

В труде С.В. Пахмана впервые были подробно изложены основные положения проектов Гражданского уложения 1809 г. и 1814 г., но центральное место заняло освещение кодификационных работ второй четверти XIX в., связанных с созданием Свода законов Российской империи. Эта часть в значительной степени содержательно оказалась созвучна работе К.А. Неволіна, поскольку сам автор однозначно ограничил рамки своего исследования: «Мы представим сначала общий обзор кодификации гражданских законов с 1826 года, затем изложим в подробности содержание отдельных книг свода гражданских законов (I части X тома) и заключим обзором межевых и особенных гражданских законов» [3, с. 1]. Переходя непосредственно к содержанию Свода законов гражданских С.В. Пахман высказался ещё более определённо о поставленных им перед собой задачах: «Задача этого обзора заключается не в исследовании и систематическом изложении начал действующего у нас гражданского права ...а в том, чтобы представить в форме описательной содержание рассматриваемого тома гражданских законов в порядке самого кодекса» [3, с. 29].

В целом необходимо признать, что труд С.В. Пахмана представлял собой безусловный шаг вперёд по сравнению с работами К.А. Неволіна. Он явился, хотя преимущественно в первом томе (период до 1826 г.), историей именно самого процесса кодификации. Благодаря этому была восстановлена организационная канва процесса, систематизированы сведения о работе отдельных комиссий XVIII в., а применительно к периоду правления Екатерины II впервые и весьма подробно освещено содержание возникших тогда законодательных проектов и предложений.

Но, с другой стороны, принципы формально-логического подхода, которым неукоснительно следовал С.В. Пахман, в конечном итоге, когда предметом исследования должно было стать собственно гражданское законодательство XIX в., фактически вер-

нули его на тот же путь, которым шёл и К.А. Неволин, – обзор и изложение конкретных разделов Свода законов гражданских без попыток их содержательного анализа, а также освещения конкретно-исторических условий разработки этого документа. На последнее обстоятельство обратили внимание некоторые критики сочинения С.В. Пахмана, в частности, Н.В. Калачов, отметивший, что автор не коснулся внутренней стороны законодательного творчества, мотивов, которыми руководствовался законодатель, условий его деятельности [5, с. 124].

Следующее сочинение, целиком посвящённое истории кодификации гражданского права, принадлежащее Г.Ф. Шершеневичу, отделило от предыдущего почти два десятилетия. За это время наряду с доминировавшим юридическим позитивизмом, сторонником которого, в частности, был С.В. Пахман, на развитие правовой науки в России сильное влияние начали оказывать другие новейшие европейские течения в теории права, постепенно оформившиеся в реалистическую (Р. фон Иеринг) и социологическую школы права. В России в роли наиболее активных сторонников и интерпретаторов идей, лежащих в основании этих направлений европейской юридической мысли, выступили соответственно Ю.С. Гамбаров и С.А. Муромцев. Эти направления (при их внутренних различиях), объединяло критическое отношение к догматической юриспруденции и стремление установить взаимосвязь права с социальной действительностью.

Г.Ф. Шершеневич занял в развернувшейся среди правоведов дискуссии неоднозначную позицию. Не отрицая значимости формально-догматического подхода к праву, а в своих работах по общей теории права последовательно придерживаясь юридического позитивизма, он вместе с тем признавал необходимость учитывать, что общество и государство, как источник права, оказывают взаимное влияние друг на друга, следовательно, исследователь права должен учитывать и те социальные условия, в которых функционируют правовые установления. Поэтому при изучении развития права нельзя ограничиться чисто догматическим исследованием изменения самих правовых норм, следует учитывать и те общественные изменения, которые ведут к эволюции права. Такую исследовательскую методологию, которую можно считать в известной мере альтернативной методологии С.В. Пахмана, Г.Ф. Шершеневич реализовал в своих собственных исследованиях кодификационных процессов в Европе и в России.

Так, сопоставляя кодификационные процессы во Франции и Германии, он связал отличия Германского гражданского уложения от Кодекса Наполеона с теми социальными изменениями, которые происходили на протяжении XIX в. в Европе: «Французский кодекс, изданный в начале столетия, явился выразителем господствовавших в то время индивидуалистических начал. В течение XIX столетия произошли большие изменения в этом отношении, и германское уложение пыталось положить некоторые пределы индивидуалистическим тенденциям и удовлетворить требованиям общегития, солидарности» [6, с.178].

Проанализировав обстоятельства, при которых возникло Гражданское уложение 1896 г. в Германии, особенности этого законодательного свода, Г.Ф. Шершеневич сформулировал в этой связи свою трактовку сущности кодификации: «Кодификация имеет своей целью привести в стройное единство существующие юридические отношения, производя лишь те, сравнительно небольшие изменения, какие вызываются потребностью цельности, выдержанности начал, систематичности. Кодификация по существу должна быть чужда реформаторских наклонностей. Ее основная цель – внести определенность в правовой быт. Пересоздание этого порядка – дело отдельных законов, издаваемых по мере движения жизни и обнаруженных потребностей» [6, с. 178].

В монографическом исследовании эволюции российского гражданского права (от «Русской правды» до пореформенного периода) Г.Ф. Шершеневич постарался представить процесс кодификации как отражение в практической юридической деятельно-

сти власти и государственных учреждений тех изменений, которые претерпевало русское общество, и его потребности, входящие в сферу регулирования гражданско-правовыми нормами.

Поэтому, прослеживая формирование и развитие этих законодательных норм, автор лишь в самых общих чертах касался содержания правовых документов, сосредоточивая внимание, во-первых, на тех исторических обстоятельствах народного и государственного быта, с которыми он связывал появление этих документов; во-вторых, на источниках, которые легли в их основание. Например, создание Соборного уложения 1649 г. он объяснял социальными потрясениями первой половины XVII в., выявившими отсутствие твёрдого юридического порядка как необходимого условия восстановления внутренней прочности и целостности Московского государства [5, с. 35–37].

«Страшная законодательная путаница», подорвавшая в обществе доверие к законодательству и наложившая негативный отпечаток на последующие кодификационные предприятия XVIII в., с точки зрения учёного, проистекала из характера петровских преобразований, мало учитывавших исторические условия страны и руководствовавшихся «единственно принципом целесообразности» [5, с. 56]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что для объяснения неудач кодификационных проектов послепетровского времени Г.Ф. Шершеневич избег обращения к хотя бы краткому анализу тех изменений, которые претерпевало русское общество, ограничившись указаниями на нехватку в тогдашней России профессиональных юристов и организационные упущения в работе создававшихся императрицами комиссий [5, с. 62], то есть, по сути, просто воспроизвёл аргументацию М.М. Сперанского, повторённую С.В. Пахманом.

Кодификационные колебания, происходившие в годы правления Александра I, связывались им в основном с идеологическими переменами в настроениях русского общества в условиях войн с Францией, а также с интригами противников М.М. Сперанского: «Не содержание, не юридические недостатки проекта, не доказанная неприменимость его к русскому быту помешали осуществиться в то время предприятию Сперанского, исключительно неблагоприятные политические обстоятельства и личная вражда, нередко тормозящая у нас законодательную деятельность под каким-нибудь благовидным предлогом» [5, с. 74].

Что касается Свода законов Российской империи, то, достаточно подробно проследив перипетии его разработки и принятия, Г.Ф. Шершеневич в итоге дал ему весьма критическую оценку: «Наше Полное Собрание Законов и наш Свод Законов представляют совершенно своеобразное явление, какого нигде не встретишь. Но можно ли хвалиться таким изобретением – это большой вопрос ... На самом деле Свод Законов привел законодательство к такому хаотическому состоянию, которому подобного мы нигде не встретим, которое оставляет за собою и то, что было до его издания! При нынешнем положении вещей Свод не выражает собою действующего права и ни один добросовестный юрист не может утверждать, что он знает русское право» [5, с. 87].

Эта общая оценка применительно к гражданской части Свода была усугублена указаниями на её заимствованный из западной теории и западного законодательства характер и на то обстоятельство, что «гражданские законы не определяют весьма многих отношений, выдвинутых жизнью, а то, что определено, очерчено весьма немногочисленными и несложными чертами». Эти и другие критические замечания о структуре и содержании Свода, сделанные Г.Ф. Шершеневичем, нашли выражение в тезисе: «Свод гражданских законов не имеет никаких достоинств и массу недостатков» [5, с. 88–89].

Признавая, что эти претензии трудно ставить в вину составителям Свода, учитывая условия, в которых шла их работа, Г.Ф. Шершеневич в итоге приходил к выводу, что решающая ошибка заключалась в выборе в качестве кодификационной формы свода, а не уложения [5, с. 97], т.е. вновь никак не связывая сложности кодификационного

процесса с социальной действительностью Российской империи времени Николая I. Можно предположить, подобная непоследовательность Г.Ф. Шершеневича в анализе связи правовых и социальных процессов, может быть объяснена и тем промежуточным положением, которое он занимал в общетеоретических вопросах: он не разделял позиций ни юридического позитивизма, ни реалистической и социологической школ права.

Крайне негативные оценки Свода законов, в свою очередь, отразили его пристрастность в отношении проблем, которые стояли перед Российской империей в конце XIX в. Решению этих проблем препятствовали, среди прочего, и несовершенство гражданского законодательства. Поэтому для него было принципиально важно особо выделить исходные слабости Свода законов как существеннейший аргумент в пользу нового Гражданского уложения (к практической разработке которого власть после 1861 г. так и не приступила).

Таким образом, анализируя труды С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, можно констатировать, что они представляли два исследования истории кодификации российского гражданского права, различавшихся по своим исходным методологическим установкам и оказавшихся в этом отношении репрезентативными по отношению к тем тенденциям, которые были в целом характерны для теоретических поисков отечественной цивилистики. Этим обстоятельством, а также качественным и содержательным уровнем работ С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, наверное, объясняется отсутствие в российской дореволюционной юридической науке каких-либо ещё попыток создания аналогичных по теме исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неволин, К.А. История российских гражданских законов / К.А. Неволин // Полное собрание сочинений. – СПб., 1857–1858. – Т. III–V.
2. Обзорение исторических сведений о своде законов. – 2-е изд. – СПб., 1837.
3. Пахман, С.В. История кодификации гражданского права : в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб., 1876.
4. Шершеневич, Г.Ф. История кодификации гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1898.
5. Шершеневич, Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1893.
6. Шершеневич, Г.Ф. Очерки по истории кодификации гражданского права / Г.Ф. Шершеневич // Ученые записки Императорского Казанского ун-та. – 1899. – Кн. 7.

Taraborin R.S. Systematization of Civil Legislation of the Russian Empire in XVIII-XIX c. in the Works of S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch

In the article the author analyzes the works of Russian legislators S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch, devoted to the history of Russian civil law codification. The research allows concluding that the works of both authors on the investigated problem differ by their initial methodological orientation and in this regard they are representative with respect to the general trends of theoretical searches of national civil law. The works of S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch are informative and of high quality, it explains the absence of other attempts to create any similar researches on the topic in the pre-revolutionary Russian law science.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.05.2013